

БЕСКОРЫСТІЕ СОБЫТІЯ ІЛІ В ПОІСКАХ ОТВЕТНОЙ МЕРЫ

© В. А. Лехиер

Лехиер
Виталий Леонидович
кандидат философских наук,
доцент
кафедра философии
гуманитарных факультетов
Самарский
государственный университет

В эссе предлагается первичная диагностика современности с точки зрения ее событийной недостаточности. В фокусе внимания оказываются разнообразные социальные технологии деонтологизации события. Вместе с тем ставится задача аутентичного контакта с событием. Теоретическое решение этой задачи предполагает проведение ключевых онтологических различий в бытии события и накладывает определенные обязательства и границы на саму «теоретическую» форму философии, раскрывая ее практический, респонзивный характер.

Ключевые слова: событие, техне, современность, искусство, деонтологизация, ответ, онтологическая переменная.

Мотив события отнюдь не нов в философии. На заре XX века он возник на пути преодоления «рокового теоретизма», на пути выработки постметафизического мышления, вобравшего в себя антропологический, лингвистический и герменевтический повороты, или, проще говоря, на пути практической философии, ориентированной на добычу специфического угля в виде экзистенциально значимого знания. И сегодня, как ни странно, этот мотив все еще актуален. Более того, он является чуть ли не единственным понастоящему точным камертоном, с помощью которого мы можем, что называется, «настраивать» современность.

Прежде всего, современность — это *запрос на событие* или *востребованность события* в силу переживания его нехватки, переживания, принятого Бодрийяром за утрату реального. Действительно, событие — это то, на что все надеются, что все ищут и даже пытаются произво-

дить разными способами, но что в итоге не находят, поскольку, несмотря на то, что мир время от времени сотрясается катастрофами, никаких событий по существу и нет. Перефразируя Бодрийяра, можно сказать, что гиперсобытийность информационного поля есть болезненный, «непристойный» эффект событийного вакуума реальности. Все борются за событие, за то, что бы оказаться в его эпицентре, на его волне. События как бы курсируют по сферам социальной жизни, выбирая для себя наиболее подходящие места дислокаций. Если раньше, например, в Серебряном веке, можно было быть в гуще событий, находясь на поэтическом вечере, то сейчас, как справедливо недавно отметил М. Рыклин, так называемое «конвенциональное искусство» демонстрирует «нулевую событийность», а «событийность актуального искусства становится проблематичной». При этом дело не в слабости самих производителей, а в том, что «события для своей реализации просто... перестают нуждаться в оболочке искусства», поэтому «те, кто решается бросить вызов этой ситуации, рискуют перейти границу между искусством и террором, между художником и камикадзе»¹.

Событие обустривает поле политического как поле публичного полемоса, так что современный политик — «куратор событий» — должен иметь четко настроенное ухо, чтобы не пропустить многообещающий подземный гул. Маурицио Лаззарато в эссе «Борьба. Событие. Медиа» пишет, что событие 1968-го г. было упущено, потому что на вопросы, которые оно породило, были уже заранее готовы ответы. Автор надеется на политические события, которые, как и любые события, по его словам, приводят к преобразованию субъективности, к созданию нового модуса чувствительности, нового сенсориума, к перераспределению тел и знаков, к возникновению возможности иного мира, вообще возможности как таковой². При этом он даже ссылается на Бахтина, для которого, как мы помним, событие бытия означало дар со стороны бытия, акт дарения мне моего «единого и единственного» места в бытии, акт, вмещающий мне в обязанность его активное («эмоционально-волевое») принятие, утверждение. То есть в событии бытия бытие человека есть по необходимости ответственное бытие или перманентно возобновляемый бытийный ответ на онтологическое задание, каковой и является моя фактичность. Политическое событие в этом смысле также нудительно требует подтверждения своего политического присутствия в виде политического поступка, требует возобновления попыток ответа на собственную политическую единственность.

Уход событийности из сферы искусства (который мы должны понимать не как факт, а только пока как тенденцию) маркирован его возрастающим технологизмом, отчаянной и безнадежной акционностью. Акционность есть превращенная, но, к сожалению, произвольная форма события. Акционность пытается воспоминаниями о событийной силе искусства, пытаясь воссоздавать ее подручными средствами, в то время как подлинное событие никогда не может быть под руками. Новейший художественный технос

¹ Рыклин, М. Искусство в зоне турбулентности // http://www.2nd.moscowbiennale.ru/ru/ryklin_doklad1/

² Лаззарато, М. Борьба, Событие, Медиа // Газета платформы «Что делать?» 2006. Вып. 13. С. 3.

в виде поэтики провокаций, поэтики проектов и прямого действия, смещение поисков художественного эффекта с произведения на действие есть сублимированная тоска по событию, которая в соотношении с его штормовой природой есть всего лишь круги на воде, образовавшиеся от брошенного камня. Это все равно, что пересказывать стихотворение своими словами. Отсюда и множество самых разных попыток форсировать художественное событие, например, форсировать *поэтическое*, делая ставку на изобретение. Инновация, понятая как технология, есть небезобидная подмена понятий. Инновация в искусстве только тогда будет настоящей новостью, заставляющей врасплох и заставляющей с собой считаться, когда рождена как реальная модификация биографии, как отрефлексированный и присвоенный аффект, причем настолько интенсивный, что само его выражение имеет терапевтический характер.

Информационное пространство страдает *синдромом навязчивой событийности*. События — это то, что нам навязывают и то, что навязывается. Но именно здесь наиболее заметно то обстоятельство, которое удачно выразил А. Магун, сказав, что событие есть «неизбежная неудача»³. Событие, будучи «креативной локализацией», насильственно вторгаясь в упорядоченные системы, ввергая бытие в состояние большого вопроса, вырывая существование из засиженных мухами мест и предлагая чистые новые топосы, обречено на делокализацию, символизацию, растворение в языковой и социальной среде⁴. Сокрушая символическое, высвобождая место для реального, оно само погребается под адресованными ему значениями и образами. Событие, транслируемое в режиме он-лайн, даже не успевает развернуть свою негативную свершающуюся сущность, в недрах которой всегда копошится будущий мир, как тут же перехватывается трансляторами, уничтожающими всякие топосы. Транслируемое в бесконечные пространства событие — это, как ни странно, *отнятое бытие*, обобществленное, тотализированное и как бы взорванное изнутри. Как будто пущенный снаряд сбили в полете, когда он еще не коснулся земли. Об этом писал Эрнст Юнгер еще в 34-ом г., причем воспевая подобное положение дел. «Там, где сегодня совершается какое-нибудь событие, оно окружено кольцом объектов и микрофонов и освещено огнями вспышек. Само событие отступает на задний план перед «трансляцией»; то есть оно в значительной мере становится объектом. Так нам уже известны политические процессы, заседания парламента, соревнования, подлинный смысл которых состоит в том, чтобы быть предметом планетарной трансляции. Событие не привязано ни к особому пространству, ни к особому времени, поскольку оно может быть повторено в любом месте и сколь угодно воспроизведено»⁵. Объектив как

³ Магун, А. Событие революции / Артемий Магун // <http://www.politstudies.ru/universum/esse/11mgn.htm>

⁴ См: Буданов, В. Когнитивная психология или когнитивная физика. О величии и тщетности языка событий; Родин, А. Среда и событие // Событие и смысл (Синергетический опыт языка) / В. Буданов, А. Родин. М.: ИФРАН, 1999. С. 38—66, 124—172.

⁵ Юнгер, Э. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. О боли. СПб.: Наука, 2000. С. 518.

вынесенный вонне глаз наблюдателя, глаз, который не моргает и не отворачивается от ужаса происходящего, переводит событие в самое его зародыше в план сущего, из модуса *быть* в модус *казаться*. В силу чего событие уже не несет онтологической перемены, а, значит, утрачивает свой смысл, оставляя горький осадок в душе и чувство неудовлетворенности от упущенных возможностей. Так, 11 сентября 2001 г., необыкновенная по масштабу трагедия, транслируемая в режиме реального времени, как справедливо отмечает Жак Рансьер, не привела к смене основных символических кодов у американцев, не обнажила ужас реального, а, наоборот, еще больше укрепила их в своих идентичностях. Вот он пишет: «Расстроен мог оказаться специфический символический строй, определяющий со-бытие одного национального сообщества... В этом пункте не было разрыва, не вскрылся никакой дефект в отношениях между реальностью американской жизни и символикой американского народа»⁶. Дело не в плюсах или минусах американского образа жизни, дело в деонтологизации, девальвации событийности.

Странно, но подобное «растущее окаменение жизни» (Юнгер) на руку маркетологам, извлекающим прибыль из соответственно растущей *экономики событий*. Событие — это, оказывается, не то, что думали об этом Бахтин или Хайдеггер, это просто категория маркетинга. Например, так называемый «эвент-маркетинг» даже из открытия ресторана может сделать шумное событие в целях привлечения клиентов. Событие — это информационный повод, строка в пресс-релизе. Производство событийности идет на всех фронтах информационных войн. Ньюсмейкеры и маркетологи — вот кто сегодня отвечает за обновление бытия. Они, как демиурги, творят новую повседневность и присваивают реальности статус событийности. Каждое серьезное издание имеет свой формат событийности, по лекалам которого происходит именование сущего. В принципе такое переосмысление фундаментальных философских понятий, их присвоение в тех или иных утилитарных целях в ходе борьбы за определение реальности, их инструментализация, отождествление с техносом, лишь проявляют старую драму исторического сознания, борющегося с историческим потоком, атомизируя его⁷, пытаясь сшивать образующиеся пустоты, кодируя прошлое в целях настоящего. Исторический разум есть такой же стратег на марсовом поле символических битв, который брендируя историю в терминах событий, стремится извлекать из нее нешуточные дивиденды. Поэтому неслучаен такой анекдот в устах маркетолога или пиарщика: когда Моисей, ведя евреев из Египта, вдруг увидел преследующее его по пятам египетское войско, колесницы и всадников, он спросил у своего пресс-секретаря, что же делать. Тот ответил ему: «Встань на колени, молись, чтобы море расступилось и твой народ прошел, а затем войско фараона было поглощено». Моисей удивился, действительно ли море расступится для него? Тогда

⁶ Рансьер, Ж. До и после 11 сентября: разрыв в символическом строе? // Мир в войне: победители/побежденные. 11 сентября глазами французских интеллектуалов / Жак Рансьер. М.: Фонд «Прагматика культуры», 2003. С. 50.

⁷ Зиммель, Г. Избранное. Т. 1. Философия культуры. М.: Юрист, 1996. С. 517—529.

пресс-секретарь ответил: «Не знаю, но публикацию в Ветхом Завете я тебе гарантирую». Так производятся исторические события.

Несмотря на лихорадку событийности, усиленно распространяемую масс-медиа, на фоне девальвации реального, повседневность частного человека пронизана ностальгией по настоящему событию. «Главный (хотя и отрицательный) пафос нашего существования, — констатирует талантливый современный поэт Михаил Айзенберг, — в том, что с нами ничего не происходит... То есть это такой эксперимент. Его условия: малоинтересная жизнь рядового человека. Его цель: посмотреть, что из этого выйдет, может ли хоть что-то из этого выйти»⁸. На этом настроении паразитирует адреналиновая промышленность, предлагающая заняться экстремальными видами спорта, туризма, секса, возгоняющая эмоции страха и удовольствия, чтобы человек хоть как-то интенсифицировал свое существование. Здесь же стремятся на помощь техники реанимации архаического опыта боли и наслаждения, техники, образовавшие субкультуры и получившие священную санкцию со стороны представителей младоконсерватизма.

Однако прав Айзенберг: «Жизненно только художественное решение, на каком бы уровне оно не осуществлялось»⁹. Потому что только в искусстве еще есть место для *бескорыстия события*. Бескорыстные события — это способ его восприятия, переживания, это ответное движение ему навстречу, это бытие-в-переходе, в результате которого рождается новая субъективность, точнее, рождается заново, извлекая себя из повседневных антифицирующей привычек, естественного понимания мира и самопонимания. Феноменологически это сопровождается редким ощущением полноты бытия, реальным и острым чувством собственного существования, которое сродни пробуждению от спячки. Событие захватывает нас не в нашей частичности, а в нашей целостности, в нашем бытии в его целом, поэтому оно онтологично. Событие есть онтологическая *задетость*. Но в событии есть парадокс — оно возвращает нас к нашему бытию, которое в то же самое время есть уже не наше, не совсем наше бытие, а бытие как таковое, которое еще должно стать нашим. Как *задетость* оно пассивно, но это не «одержимость» или «самозабвение», не «экстаз», — как реальный акт переживания событие требует от меня специфической активности по его восприятию, претерпеванию и удержанию, требует онтологического усилия по присвоению бытия. Поэтому подлинный *патос* — это своеобразная *пассивная активность* и вместе с тем *активная пассивность*. Благодаря событию мы переходим через внутренние Альпы. И именно искусство еще сохранило аутентичную форму подобного контакта с событием. Только у искусства истины по-прежнему страдательны, о чем писал Ж. Делез, то есть рождены в результате встречи с тем, что принуждает мыслить. Это значит, что произвол субъекта здесь ограничен с самого начала, с момента вторжения Невыразимого, порождающего «внутреннюю необходимость» выражения или «постановки непредставимого» (Ж.-Ф. Лиотар). Собственно «художник» и начинается с момента заставания себя в особой респонзивной

⁸ Айзенберг, М. Н. Взгляд на свободного художника. М.: Гендальф, 1997. С. 176.

⁹ Там же. С. 179.

ситуации, когда чувствует прикосновение Иного, идущего от вещей, слов, жестов... Ощущение невозможности уклониться от ответа-выражения и есть мера ответственности художника перед самим собой и перед тем единым и единственным событием бытия художественного, которое теперь ему задано как задача и агентом которого он является. Точно сказал Бернар Стиглер: «Искусство стало религией тех, кто родился после того, как была весть о смерти Бога»¹⁰.

В разговоре о событии в его *онтологическом* измерении мы должны помнить несколько существенных вещей¹¹. Прежде всего, важно различать, с одной стороны, *сингулярные, единичные события вторжения Иного* (гр. *geteron* — «конкретное иное»), «ключевые события», по В. Вальденфельсу¹², которые случаются «вдруг» в самых разных областях нашей жизни и имеют *онтический* статус, и, с другой стороны, изначальную онтологическую *задетость* Иным, обусловленную первичным событием «поляризации» бытия вообще¹³, когда бытие, реализуясь как событие, бросает само себя в свое «вот», в «место», которое теперь *вот-бытие* должно занять и утвердить. Сингулярные события, такие, например, как возникновение патологической боли или внезапно зазвучавший в уме голос Музы (вдохновение) — лишь клинические «обострения» одного события: единого и единственного события бытия, «абсолютного события» моей фактичности, заданной мне в свете моей конечности. Сингулярные события как бы запускают механизм, заключенный в устройстве *вот-бытия* как бытия конечного и фактичного. Непредвиденное «вдруг», вкальвающее инъекцию Иного, может случиться только с конечным существом, чья власть, проективная способность и когнитивная компетенция ограничены, а онтологические опоры непрочны. Бесконечное бытие не знает «вдруг». «Вдруг» — онтологическая возможность, входящая в спектр экзистенциальных возможностей конечного *вот-бытия*. Во «вдруг» эта конечность и обнаруживается, которая в свою очередь отбрасывает к фактичности. Поэтому вторжение Иного в самое сердце человеческой самости *уже всегда состоялось*, мы лишь «вдруг» об этом узнаем.

Во-вторых, «вдруг» сингулярного события далеко не элементарно, оно включает сложную диалектику вызова и ответа, патоса и респонса, и соответственно сложную темпоральную структуру, сочетающую синхронию и диахронию.

¹⁰ Стиглер, Б. Реплика в Финальном обсуждении на Международной конференции по философии, политике и эстетической теории «Создавая мыслящие миры» в рамках II Московской биеннале, 17—18 ноября 2006 г. / Бернар Стиглер // http://www.2nd.moscowbiennale.ru/ru/final_discussion1/

¹¹ Подробно об этом: Лехиер, В. Л. Феноменология «пере»: введение в экзистенциальную диалектику переходности. Самара: Самарский государственный университет, 2007. С. 146—167.

¹² Вальденфельс, Б. Мотив чужого. Минск: Пропилеи, 1999. С. 187. «В жизни отдельного человека, как и в жизни целых народов и культур, бывают ключевые события, «которые не забываются», так как они вводят новый символический порядок, утверждают смысл, призывают к ответу, порождают обязательства» (там же).

¹³ Левинас, Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 8.

В-третьих, необходимо постоянно иметь в виду различие события и техне. Событие, говоря словами Пастернака, «чем случайней, тем вернее». С одной стороны, оно выполняет функцию феноменологического эпохе, поскольку заключает в скобки все сущее и отбрасывает вот-бытие к своему истоку, но, с другой стороны, в отличии от эпохе, событие *непроизвольно* и потому не находится в моей манипулятивной власти. Оно накрывает с головой, «выбивает из колеи», «выдергивает», «выводит из себя». Поэтому, как пишет Хайдеггер в «Бытии и времени», совесть «настигает», ужас «настигает» вот-бытие (бегущее от него), потрясая его в бытийных основах. Эпохе — разновидность философского техноса. Но любой технос — лишь ответ на событие. Ритуал — ответ на событие. Cogito Декарта — тоже ответ на событие богооставленности и эпистемологического ужаса. Технос не может заменить событийность. Ни одна технология не гарантирует экзистенциальной перемены и прорыва к подлинному. Все практики трансгрессии, существующие в религиозных системах или практикуемые за их пределами, имеют свое основание в исходной задетости Иным, без которой они становятся симуляциями. В наше время, имеющее в анамнезе событийную недостаточность, эллинистический принцип *заботы о себе*, заново тематизированный Мишелем Фуко, получил исключительно технологическую интерпретацию, так что возникла целая «тренинговая культура», которая сегодня во многом определяет стиль заботы о себе.

В-четвертых, ответ на событие всегда ищется в двух противоположных направлениях. Аннулирование памяти о травматическом событии («Надо память до конца убить», — А. Ахматова) — таковы, в частности, тактики активного сокрытия вот-бытием специфики собственного бытия в повседневности, медикализованное вытеснение боли и смерти и т. п. И наоборот репетиция, повторение опыта, его искусственный вызов, поиски утраченного — таковы все архаические ритуалы, направленные на сакрализацию профанного, различные практики трансгрессии, карнавальное снятие социальных границ с целью высвобождения космической переходности. Философия как «ностальгия по миру в целом» (М. Хайдеггер) или «развитие состояний с помощью понятий», *профессиональная рефлексия реально случившихся «жизнемысленных событий»* (М. Мамардашвили) располагается именно здесь, на второй линии реагирования на событие. Вместе с тем, философия есть и ответ в первом смысле: это «терапия души», замазывание ран, затягивание швов, восстановление нарушенных порядков¹⁴.

В любом случае онтологическое первенство события, с которым философия ничего не может сделать и которое накладывает границы на теоретический тип философии, рождающейся как самозаконный мир, как разбор полетов ту сторону «действительно переживаемого мира»¹⁵, — это пер-

¹⁴ Об этих двух смыслах философского дела, придающих ему актуальный характер, см.: Фурс, В. Декарт — учитель философии // Топос. 2006. № 1(12), а также дискуссию по поводу статьи Фурса вокруг темы «актуальной философии» в издании: Топос. 2006. № 3 (14).

¹⁵ Бахтин, М. М. Собрание сочинений. Т. 1. Философская эстетика 1920–х годов. М.: Русские словари; Языки русской культуры, 2003. С. 14.

венство события настоятельно требует *респонзивной* интерпретации философии. Философия — это *вынужденная* ответная мера. И ее эффективность будет тем больше, чем быстрее она научится реагировать на события, чем непредсказуемей она будет в их обживании, чем чаще она будет возобновлять попытки вслушаться в тот вечно незавершенный онтологический посыл, который содержится в самой событийности события и который не находится в человеческой власти.